

ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ КAVKAZA

УДК 821.352.3

DOI 10.31143/2542-212X-2021-3-219-228

**ФОРМИРОВАНИЕ ЖАНРА ПОВЕСТИ В ЧЕРКЕССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ:
ИДЕЙНО-ТЕМАТИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ****М.А. ХАКУАШЕВА
Л.Б. ХАВЖОКОВА**

*Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного
бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский
научный центр РАН»
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: dinaarma@mail.ru, lyudmila-havzhokova.86@mail.ru*

Аннотация. В статье исследуются некоторые вопросы становления и эволюции жанра повести в черкесской литературе. Актуальность исследования обусловлена, с одной стороны, недостаточной разработанностью заявленной темы, с другой – необходимостью выявления тенденций развития национальной прозы, начиная от проблем ее генезиса. В центре исследовательского внимания – идейно-тематическая ориентация черкесской повести преимущественно начального этапа эволюции, т.е. советской эпохи. В частности, рассматриваются повести С. Темирова, И. Амирокова, М. Адамокова, Х. Гашокова и др., заложивших основы жанра в черкесской литературе. В обозначенный период черкесская повесть явилась первой попыткой осмыслить проблемы колхозов, молодежных бригад, советского отношения к труду, круг актуальных проблем молодежи, ее устремлений, формирование критериев советской морали. В ней также нашли отражение разные аспекты Великой Отечественной войны, в основном – как войны за независимость. В исследовании применен метод художественного анализа. Полученные результаты могут быть использованы при составлении спецкурсов по адыгской (кабардино-черкесской) прозе, написании истории литературы народов Северного Кавказа.

Ключевые слова: адыгская литература; проза; черкесская повесть; гендер; соцреализм; революционная тематика; деревенская проза.

**FORMATION OF THE GENRE OF THE STORY IN THE CHERKESS
LITERATURE: IDEOLOGICAL GUIDES AND THEMATIC REFERENCES****M.A. KHAKUASHEVA
L.B. KHAVZHOKOVA**

*Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budget Scientific Establishment
«Federal Scientific Center 'Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of
Sciences'»*

360000, KBR, Nalchik, Pushkina st., 18

E-mail: dinaarma@mail.ru, lyudmila-havzhokova.86@mail.ru

Abstract. The article examines some of the issues of the formation and evolution of the genre of the story in Circassian literature. The relevance of the study is due, on the one hand, to the insufficient development of the stated topic, on the other hand, to the need to identify trends in the development of national prose, starting from the problems of its genesis. In the center of research attention is the ideological and thematic orientation of the Circassian story mainly of the initial stage of evolution, i.e. Soviet era. In particular, the author examines the stories of S. Temirov, I. Amirokov, M. Adamokov, H. Gashokov and others, who laid the foundations of the genre in Circassian literature. During the indicated period, the Circassian tale was the first attempt to comprehend the problems of collective farms, youth brigades, the Soviet attitude to work, the range of urgent problems of young people, their aspirations, the formation of the criteria of Soviet morality. It also reflects various aspects of the Great Patriotic War, mainly as a war for independence. The research uses the method of artistic analysis. The results obtained can be used in compiling special courses on Adyghe (Kabardino-Circassian) prose, writing the history of the literature of the peoples of the North Caucasus.

Keywords: Adyghe literature; prose; Circassian tale; gender; socialist realism; revolutionary themes; village prose.

Центром художественного внимания адыгских писателей КЧР советской эпохи стал новый тип социально-активной, бескомпромиссной личности. Идеологический стержень произведений был подчинен жизни адыгского села начала советской власти, особенностям переходного периода, когда центральным творцом жизненных благ в полной степени являлся человек новой эпохи. Писатели были озабочены проблемами меняющихся семейных ценностей, воспитания в новом духе, урбанизации, ломки патриархального традиционного уклада.

Одной из центральных тем адыгской литературы 20–30 гг. XX в. явилась гендерная тематика, актуальная не только для писателей северокавказского региона, но и мастеров слова обозначенного периода. Однако, учитывая специфику патриархального уклада жизни в республиках Северного Кавказа, «женская» тема выглядела поистине революционной. Это было обусловлено попыткой эмансипации женщины-горянки, активного вовлечения ее во все сферы общественной жизни, нового социалистического строительства. Кроме того, в это время только начинала реализовываться идея женского равноправия, возможно, в силу этого она грешила утопическими представлениями и недостаточной разработанностью своих установок не только в эмпирической, но даже теоретической плоскости.

Гендерные проблемы волновали мастеров художественного слова не только с социальной, но и с психологической точки зрения, – ведь именно здесь таились неисчерпаемые возможности художественного исследования в формировании социально-психологических и моральных качеств нового человека социализма.

Новый тип социально-активной, бескомпромиссной личности становится центром пристального внимания писателей КБР, КЧР, Адыгеи. Выразительные женские образы – знаковый признак для всей молодой адыгской литературы, возможно потому, что в сознании адыгов произошла постепенная, достаточно болезненная коренная ломка в отношении социально-нравственного статуса женщины. Потребность прояснить, отрефлексировать новый женский образ в рамках новой исторической действительности, системе изменившейся аксиологической шкалы становится насущной потребностью почти всех мастеров художественного слова.

В повести черкесского писателя С. Темирова «Радостная жизнь» (1936) находят отражение социально-психологические черты, привнесенные новой действительностью; идеологический акцент ставится, в частности, на женской независимости. Если до советской власти уйти от мужа для адыгской женщины казалось немислимо, то теперь это стало реальностью для главной героини повести – молодой женщины Бабины. Автор пытается увязать качественно новую гендерную характеристику с основами прежней патриархальной морали, которые попросту исключали допущение основных черт женщины социалистической эпохи. Автор сочувственно относится к подобному решению, так как понимает и анализирует женскую мотивацию, тогда как до революции вряд ли такой поступок мог быть кем-то оправдан. В ценностной шкале женских приоритетов происходит определенный сдвиг: советская женщина в первую очередь должна быть активным созидателем новой жизни. Именно такой доминантный ориентир подчиняет себе все остальные моральные женские качества. Соответствующее самовыражение в качестве наиболее активного полезного члена общества придает женщине наиболее высокий социальный статус. В основе характера новой советской женщины становится самостоятельность и борьба за любую форму свободы. Однако образ героини С. Темирова еще недостаточно детализирован, он скорее схематичен. Основной идеологический стержень произведения подчинен жизни адыгского села начала советской власти, особенностям переходного периода, когда центральным творцом жизненных благ в полной степени является человек новой эпохи. «Человек из народа, совершивший октябрьскую социалистическую революцию, сокрушивший старый общественный строй, должен был продемонстрировать свою способность к творчеству новых форм бытия, свой талант хозяина и строителя социалистической жизни. Тридцатые годы явились новым свидетельством созидательных возможностей советского общественного строя, советского человека» [Ломидзе 1971: 56].

Этот период отмечен напряженными художественными поисками образа положительного героя, – таков главный герой повести И. Амирокова «Молодой бригадир» (1935). Композиция повести построена на приеме контраста, наиболее распространенном в те годы, когда негатив прежней жизни соседствует с достижениями социализма, которые позитивно воспринимаются героями художественных произведений. Резко контрастирует, например, полная зависимость адыгских крестьян от земельной собственности феодальной знати, с одной стороны, и виды просторных колхозных полей,

принадлежащих народу, – с другой, новый железный мост, перекинутый через реку Инджидж, который мог быть построен только при советской власти. Л.А. Бекизова отмечает недостаточность типизации, обобщения. «Молодой автор (Ибрагим Амироков. – *М.Х., Л.Х.*), – пишет исследователь, – идет по следам действительных событий, копируя их, сохраняя имена, не стараясь сколько-нибудь обобщать, типизировать, вообразить. Естественно, что герой его получился весьма схематичным; у писателя даже нет стремления проникнуть в его внутренний мир» [Бекизова и др. 1978: 35].

Повесть-трилогия Х. Гашокова «Отец и сын» (1959–1963) построена по принципу семейной хроники. Автор прослеживает судьбу главного героя – батрака Исхака. Автор разворачивает художественное повествование вокруг типичной горской семьи бедняков, с кругом проблем, характерным для этого многочисленного социального слоя. Описываемые события относятся к периоду конца XIX – началу XX в. Исхак, глава семьи, уже несколько лет подряд является наемным пастухом местного феодала Камбота Дугужева. Достаточно красноречива деталь его портретной характеристики с ярко выраженным классовым акцентом (залатанный потрепанный тулуп он обычно носит под подмышкой, ему все время кажется, что его только что выпрягли из ярма). Старый дом, небольшой двор, на котором хозяина встречает худая собака с облезлым хвостом, – вот и все хозяйство Исхака. Не только Исхак, но и его супруга работает поденщицей: прядет, стирает, делает по заказу саман. Последнее обстоятельство является нетипичным для патриархального быта адыгов, к богатым хозяевам нанимались работниками только мужчины, но в начале века были предъявлены новые требования к женщине. Не миновали они и кавказских женщин, поставленных в твердые рамки традиционно-фиксированного уклада. Эволюция классового неравенства и антагонизма в адыгской среде – лейтмотив повести Х. Гашокова. Принцип неравенства один и тот же в разных этносах, но у всех народов – свои особенности его проявления.

Мальчик Халил тоже батрачит с ранних лет. Мать отдает девятилетнего сына известному богачу села Магомету Дагову. Детали портретной характеристики мальчика достаточно красноречиво отражают его тяжелую жизнь: «Кожа на его ногах, никогда не выдавших чувяк, потрескалась. Из ран сочилась кровь. Иногда Халил их прятал под длинным рубищем, а иногда просто садился на колени и наблюдал за происходящим вокруг» [Гъуэщокъуэ 1959: 35].

Однако даже тяжелая жизнь бедняка освещена надеждой, ведь «мир вращается как колесо, и нам достанется какое-то счастье» [Гъуэщокъуэ 1959: 35]. Антагонистом Исхака, Халила является Магомет Дагов, разбогатевший за счет алчности и обмана своих соотечественников. В отличие от главного героя, он «спит в чистой, мягкой постели», после намаза обходит свое обширное хозяйство. Мальчик убегает с побоями и синяками, его труд не оплачивается. Перед Халилом открывается понимание социальной несправедливости, своего рода «эволюция социального неравенства». Автор воплощает в художественном тексте все этапы протеста, который зреет в сознании подростка: сначала это эмоции, затем – внимательное наблюдение за

окружающей действительностью, за социумом. Вскоре Халил постигает общие закономерности, которые движут «порочный круг» структуры окружающего общества.

Судя по накалу детских эмоций, понятно, что это событие становится поворотным в становлении подростка, формировании его личности – теперь он начинает прозревать источник и методы обогащения таких как Дагов. Халил хочет уехать из аула, где царит угнетение и несправедливость, но он еще оглядывается на свою семью: как-то она будет без помощника и будущей опоры? Однако случай с ворованными овцами окончательно повлиял на его выбор, и Халил твердо решил уехать. Это – проявление общего протеста против классового угнетения, которое выражается в разных формах, на разном уровне осознания.

У матери Халила этот протест проявляется наиболее ярко, когда женщина становится свидетелем очередной аферы одного из состоятельных жителей села – Дугужева, который продает ничего не подозревающим односельчанам мясо околевших бычков. В отличие от покорных безропотных женщин старой эпохи, героиня Х. Гашокова находит в себе силу и характер для протеста. Женщина начинает понимать, что без бедняков не могли бы нажиться богатые. Жизнь людей протекает не по человеческим, а по волчьим законам, определяет автор в подтексте, не случайно, думается, отрицательный персонаж назван именем этого хищника («дугуж (дыгъужь)» – в переводе с кабардино-черкесского – «волк»). Автор сумел показать перерастание разрозненного частного протеста в общий народный гнев, который выплеснулся в сцене у мечети, когда люди сплотились в одном порыве против притеснения власть имущих. Главным импульсом, по авторскому умолчанию, становится свершившаяся в России Октябрьская революция, которая дала выход долго сдерживаемому народному недовольству. Повышение народного самосознания освобождает от страха. Вторя этой авторской идее, персонажи озвучивают ее в разных формах: *«Ты забываешь, Камбот, что в наше время у нас нет оснований бояться богачей. Крестьяне теперь не дураки, кое-что понимают. Нельзя играть с огнем, Камбот. А то, что ты сделал, если хочешь знать – это огонь!»* [Гъуэщокъуэ 1959: 102].

Повесть Х. Гашокова выстроена по принципу большинства произведений соцреализма середины XX столетия, когда главный герой, обретая пролетарское классовое самосознание и независимость, включается в активную борьбу за демократию и свободу. Халил находит себя в активном становлении новой жизни, фундаментом которой являются законы социализма. Если формирование и становление протагониста читатель наблюдает в первой части, то во второй и третьей частях Халил – зрелый убежденный человек, твердо ориентированный на социалистический курс развития. Судьба главных героев как показатель судьбы всего народа – такова мысль автора повести.

Критики отмечают некоторые недостатки произведения – растянутость повествования, «вместо действия даны утомительные описания, характеры героев статичны... И все же повесть Х. Гашокова является первым крупным произведением черкесской литературы послевоенного периода. Достоинства и

недостатки ее характерны для всей национальной литературы этого периода» [Бекизова 1964: 172].

По сюжету повести С. Хатуова «На рассвете» (1960) юный пастушок Хамид, сын бедняка Забита, работает по найму у своего зажиточного хозяина Индриса, которому его отдали, когда мальчику исполнилось двенадцать лет. С больным, немолодым отцом они живут в «покосившейся сакле, с соломенной косматой крышей», через маленькое мутное окно в дом заглядывает по ночам «мертвенно-холодная ко всему луна» [Хатуов 1960: 3]. Мать мальчика давно умерла, помощи ожидать не от кого. У него одна цель – за два года получить двух телят. Ему кажется это залогом новой безбедной жизни. Все притеснения и тяжелый труд он терпит только ради одной конкретной мечты. Но гнет работодателя непомерен для ребенка. Несмотря на накал гнева и протеста, мальчик слишком мал для поступка, он только мечтает об абречестве, которое, как ему кажется, является единственным выходом, направленным против угнетения и несправедливости. В России произошла революция, гражданская война, установлена Советская власть. Хамид смутно представляет ее истинное значение в своей жизни. Жизнь сироты в условиях нового строя наполняется теплым содержанием в первую очередь благодаря доброте окружающих людей. Новые люди, люди социализма способствуют удачному разрешению линии судьбы.

Финал повести открыт, но горизонт читательского домысливания остается незамутненным и светлым, так как в рамках соцреализма преобразующая сила нового строя предполагает счастливое будущее для вчерашних бедняков и обездоленных. Обе повести («Отец и сын» Х. Гапокова и «На рассвете» С. Хатуова) объединяют некоторые сюжетные сходжения, которые, вероятно, объясняются общей отображаемой социально-экономической ситуацией, духом эпохи в канун советской модернизации.

В повести М. Адамокова «Аслан и Мадина» нашли отражение тема труда и круг проблем советского человека. Она посвящена проблемам колхозной деревни, соревновательному духу молодежных бригад, советскому отношению к труду. Чаще всего конфликт в подобных сюжетах советской прозы 50–60-х гг. строится на столкновении старых и новых представлений и установок, индивидуалистической и общественно-центристской морали. Первый тип сознания ценностной основой ставит личное благополучие, такие люди стремятся использовать людей и обстоятельства на пользу себе и своей семье. Соответствующий такой модели литературный стереотип достаточно распространен в произведениях периода развитого социализма. Такой «старый» тип сознания, близкий к буржуазному, служил антиподом советскому нравственному эталону, а потому являлся мишенью в произведениях соцреализма.

На пути достижения новой социалистической модели сознания герои переживают серьезные трудности, преодолевают всевозможные испытания. Именно такая проблематика лежит в основе повести М. Адамокова «Аслан и Мадина». Главный герой – юный тракторист, только что закончивший школу, Мадина – звеньевая. Девушка – носитель новой коммунистической морали:

принципиальная, цельная, устремленная на усовершенствование жизни по принципу социалистического нравственного императива, который в первую очередь предусматривает общественные блага. Ее тон по отношению к Аслану несколько назидателен, что в принципе ожидаемо от звеньевского. Заметив срубленные стебли молодой кукурузы, Мадина говорит молодому механизатору о том, что общее качество работы зависит от каждого, и недобросовестное отношение одного человека может испортить самые высокие результаты труда всего коллектива.

Автор представляет новый тип женщины-черкешенки. Терпеливое незаметное трудолюбие кавказской женщины в быту было чем-то разумеющимся и обычным, так как было незаметно мужскому глазу, скорее всего из-за бытовой рутины. Но когда женщина встала вровень с мужчиной, выполняя общественно-полезный труд, ее успехи стали очевидны для представителей сильного пола. Стали меняться былые стереотипы в отношении женщин, резко изменился ее социальный статус. Мадина обладает живым, пытливым умом, она любознательна, целеустремленна, хочет усвоить все премудрости агрохимической науки. Являясь прекрасным специалистом, она еще учится заочно, много читает, весела и доброжелательна с друзьями. Главная героиня столь органична в новой социальной роли, что читатель невольно задается вопросом: дело в способности стремительного роста в изменившейся социальной сфере или неограниченных резервах женской общей адаптации вообще?

Стиль повести определяется значительным фольклорным влиянием, например, в описании портрета Мадины. Ему предшествует чисто фольклорный зачин: «Красоту Мадины не передать словами». Следует соответствующее продолжение: «Я постараюсь передать портрет Мадины так, как он представлялся Аслану». Портрет девушки мало отличается от фольклорного описания: брови «будто нарисованы, изогнуты дугой», «глаза, словно терн», «язык сладкоречивый». Автор применяет приемы, близкие фольклору, и в пейзажных зарисовках. Описание летней ночи передано в унисон чувствам и переживаниям влюбленного Аслана.

При известной тенденциозности и некоторой однозначности подхода к трактовке идей, образов и сюжетов, которая встречается в подобных произведениях этого периода, нельзя утверждать, что поэтика текста не выразительна. Некоторые произведения соцреализма грешили излишним акцентом на теме производства. Однако повесть М. Адамокова содержит мир богатых чувств, личных переживаний, что в сознание читателя привносит ощущение новизны.

Так же, как и в произведении М. Адамокова, в повести М. Ахметова «В родном ауле» (1967), отражаются проблемы современной черкесской провинции [Ахметов 1967]. Автор пытается вывести показатель нравственности людей эпохи социализма, близкий к идеалу. Эта идея осуществляется через конфликт старой психологии с новой, которая только находится на стадии становления. Поэтому неминуемо противоречие между носителями разных, несовместимых типов морали. Через это противоречие подвергается сомнению

старый моральный кодекс – не целиком, а лишь некоторые обычаи и стереотипы, отягощающие новый образ жизни. Через повествовательный художественный дискурс автор пытается разобраться в проблемах нового мироустройства, понять, в какой форме, этическом ключе они могут быть решены в селе, колхозе, отношениях друг с другом. Согласно композиции, автор в каждой главе ставит круг вопросов, на который пытается найти ответ каждый из персонажей. Почти все герои повести обладают отчетливой социальной и нравственной позицией, и ее активно выражают.

В повести К. Дугужева «Подарок» (1976) действие происходит в 60–70 гг. XX века [Дыгъужь 1976]. В центре повествования – жизнь и трудовая деятельность молодежной бригады горного села. В процессе совместного труда проявляются лучшие черты Бориса, Салиха, Мухадина, Шихамбия, Абрека, Сафара. В эту сплоченную молодежную группу не вписывается Жамалдин, его привлекает городская жизнь, он не любит физический труд, ищет легких денег. Главный герой представляет собой типичного аутсайдера социалистических времен. Автор стремится показать производственные отношения молодых людей, так как в этой сфере больше всего раскрываются их сущностные черты. Но процесс личностных отношений складывается также не просто, противоречиво. В них не просто разобраться не только читателю, но и самим героям. В результате тяжелых личных испытаний он преобразуется, становится чутким и внимательным, возвращается Лайма с сыном, восстанавливается семья. Такая причинно-следственная мотивация заметно упрощена, у читателя возникают сомнения относительно возможности столь разительной трансформации, несмотря на тяжелые обстоятельства, пережитые главным героем.

Параллельная сюжетная линия связана с образом Абрека. Юноша представляет собой своеобразный антипод Жамалдина. Он трудолюбив, честен, пользуется авторитетом среди молодежи. Но у него возникает конфликт с женой Лидой, которая хочет жить в городе. Чтобы не разрушать семью, Абрек соглашается на требования жены, супруги с сыном переезжают в город, живут в трудных условиях, несмотря на то, что Абрек подрабатывает грузчиком, и это приносит относительно приличный доход.

Примерные семьи создают Салих и Борис. Убедительны и образы поварихи Гуашедахи, председателя колхоза Султана. Доминирующей темой произведения становится личная жизнь молодежи в условиях переходного периода, когда традиционный патриархальный уклад подвергается коренной ломке.

Особый интерес представляет социальная тематика повести, довольно типичная для начального периода эпохи социализма, когда противоречия между городом и деревней, тяжелый сельский быт определяли небывалый отток сельского населения в города. Так формировалась урбанизация в советских условиях, которая к концу советской эпохи приобрела почти катастрофические размеры, которые привели к запустению и отмиранию значительного пространства провинций огромной страны. В повести отражены

особенности начального этапа советской модернизации, характерные для адыгского быта, образа жизни, специфики взаимоотношений.

Историческая тема всегда была особой сферой, которая неизменно будила художественное воображение адыгских писателей. Особенно актуальными являлся круг проблем, связанный с борьбой за независимость. Такой теме посвящена повесть А. Шорова «Долгое ненастье» [Шорэ 2005]. Действие происходит в Черкесске в 40–60 годы XIX века, то есть во время Русско-Кавказской войны. Главные герои повести Биберд, Жантемир, Маридаг являются активными защитниками своей свободы. К ним примыкают русские казаки – Саша и Костя. Сознание этих молодых людей претерпевает радикальные перемены, они переосмысливают происходящее, проникаясь идеями справедливости, свободы, и остаются с черкесами.

Повествование ведется в романтическом стиле, при этом сохраняется некоторый мелодраматический элемент. «Долгое ненастье» – историческая приключенческая повесть. Вместе с тем, автор одним из первых пытается художественно осмыслить, исторически обобщить народную трагедию Русско-Кавказской войны. В произведении пока нет акцента на психологических мотивациях, внутренний мир героев недостаточно полно и глубоко раскрыт. Значительное место занимает описательность, в частности, пейзажная. Особенно хорошо удается автору многообразный кавказский пейзаж. Обращает на себя внимание хороший художественный язык повести, с богатым лексическим потенциалом.

В заключение следует отметить, черкесская повесть явилась первой попыткой осмыслить проблемы современности колхозной деревни, круга актуальных проблем молодежи, ее устремлений, формирования критериев советской морали. Возможно, первые уроки опыта не позволили избежать типичных издержек роста: схематизма, излишней описательности, декларативности, детализации, низкого уровня художественной динамики, мотивации действий и развития сюжета. Эти недостатки были характерны для молодой адыгской прозы данного периода.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Ахметов 1967 – *Ахметов М.Х.* Али едет на кош. В родном ауле: Две повести / Пер. с черкес. и предисл. Т. Лихоталь. – М.: Детская литература, 1967. – 96 с.

Бекизова 1964 – *Бекизова Л.А.* Черкесская советская литература. – Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1964. – 199 с.

Бекизова и др. 1978 – *Бекизова Л.А., Караева А.И., Тугов В.Б.* Жизнь, герой, литература: О прозе писателей Карачаево-Черкесии. – Черкесск: Ставропольское книжное изд-во, Карачаево-Черкесское отделение, 1978. – 213 с.

Гъуэщокъуэ 1959 – *Гъуэщокъуэ Хъу.Хъ.* Адэмрэ къуэмрэ. Повесть (Гашоков Х.Х. Отец и сын: повесть). – Черкесск: Къэрэшей-Шэрджэс тхыль тедзапIэ, 1959. – 139 н. (на каб.-черк. яз.)

Дыгъужь 1976 – *Дыгъужь Къу.Б.* ТехъэпщIэ (Дугужев К.Б. Подарок) // Дыгъужь Къу. ТехъэпщIэ. Уэхъутэ М. Лабэ кыкIа хъэщIэ (Дугужев К. Подарок. Охтов М. Гость из Лабы). – Черкесск: Ставрополь тхыль тедзапIэ, 1976. – Н. 3–157. (на каб.-черк. яз.)

Ломидзе 1971 – *Ломидзе Г.И.* Единство и многообразие советской литературы // История советской многонациональной литературы: в 6 т. Т. 2. Кн. 1. – М.: Наука, 1971. – 511 с.

Хатуов 1960 – *Хатуов С.И.* На рассвете: Повесть / Пер. с черк. яз. Л. Епанешникова. – Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1960. – 57 с.

Шорэ 2005 – *Шорэ А.Л.* Уэлбанэ кЫхь (Шоров А.Л. Долгое ненастье). – Черкесск: Къэрэшей-Шэрджэс республикэ тхьль тедзапэ, 2005. – 286 н. (на каб.-черк. яз.)

REFERENCES

AKHMETOV M.Kh. *Ali edet na kosh. V rodnom aule: Dve povesti* [Ali goes to the kosh. In the native village: Two stories]. – Moscow: Children's literature, 1967. – 96 p. (In Russian).

BEKIZOVA L.A. *Cherkesskaya sovetskaya literatura* [Circassian Soviet literature]. – Stavropol: Stavropol Book Publishing House, 1964. – 199 p. (In Russian)

BEKIZOVA L.A., KARAEVA A.I., TUGOV V.B. *Zhizn', geroy, literatura: O proze pisatelej Karachaevo-Cherkessii* [Life, hero, literature: On the prose of the writers of Karachay-Cherkessia]. – Cherkessk: Stavropol book publishing house, Karachay-Cherkess branch, 1978. – 213 p. (In Russian)

DUGUZHEV K.B. *Podarok* [Gift]. IN: DUGUZHEV K. *Podarok* [Gift]. OKHTOV M. *Gost' iz Laby* [Guest from Laba]. – Cherkessk: Stavropol Book Publishing House, Karachay-Cherkess Branch, 1976. – P. 3–157. (In Kabardin-Circassian)

GASHOKOV Kh.Kh. *Otec i syn: Povest'* [Father and Son: A Story]. – Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1959. – 139 p. (In Kabardin-Circassian)

KHATUOV S.I. *Na rassvete: Povest'* [At Dawn: A Story]. – Stavropol: Stavropol book publishing house, 1960. – 57 p. (In Russian)

LOMIDZE G.I. *Edinstvo i mnogoobrazie sovetskoj literatury* [Unity and diversity of Soviet literature]. IN: *Istoriya sovetskoi mnogonatsional'noi literatury: v 6 t. T. 2. Kn. 1* [History of Soviet multinational literature: In 6 volumes. Vol. 2. Book 1]. – Moscow: Nauka, 1971. – 511 p. (In Russian)

SHOROV A.L. *Dolgoe nenast'e* [Long bad weather]. – Cherkessk: Karachay-Cherkess Republican Book Publishing House, 2005. – 286 p. (In Kabardin-Circassian)